

Дело Краснощёкова

Борис Иванович Мухачёв,

доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

Статья посвящена истории и судебному разбирательству 1924 г. по делу А.М. Краснощёкова, бывшего руководителя Всероссийского торгово-промышленного банка, бывшего главы Дальсовнаркома и правительства Дальневосточной Республики. А.М. Краснощёков был осуждён за якобы злоупотребления служебным положением, за содействие обогащению своего брата, за поддержку нэпманов и моральную деградацию. Тщательное изучение материалов следствия и судебного процесса по этому делу привело Б.И. Мухачёва к выводу, что судебное решение являлось политически ангажированным и имело обвинительный уклон. Оно фактически стало первым ударом по НЭП (Новой экономической политике) и, по мнению автора, не могло быть объективным.

Ключевые слова: А.М. Краснощёков, дело 1924 г., судебный процесс, предъявляемые обвинения, необъективность приговора, политический аспект, антинэповское значение.

Krasnoshchekov's Case.

Boris Mukhachev, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

The paper is dedicated to the history and trial of A.M. Krasnoschekov, former head of All-Russian trade and industrial bank, former Head of Dalsovnarkom and the Government of the Far Eastern Republic. Krasnoschekov was convicted for allegedly abusing his official position, facilitating his brother's enrichment, supporting nepmen and moral degradation. A careful study of the materials of the investigation and trial proceedings of the Krasnoshchekov case led B.I. Mukhachev to the conclusion that the legal judgement was politically charged and had accusatory bias. In fact, it was the first impact on NEP (New Economic Policy) and, according to the author, it could not be objective.

Keywords: A.M. Krasnoshchekov, the case of 1924, trial, indictment, biased verdict, political aspect, anti-NEP significance.

Осенью 1923 г. всю страну облетело сообщение о том, что ведётся следствие по делу председателя правления Всероссийского торгово-промышленного банка (Промбанка) А.М. Краснощёкова, которому предъявлено обвинение в злоупотреблениях по службе. Писалось об этом и в начале 1924 г., а в марте во всех газетах освещался уже ход судебного процесса.

Для многих (особенно дальневосточников) это было сенсацией. Обвинения не вязались с именем бывшего председателя Дальсовнаркома, а затем — правительства ДВР, который многое сделал для установления советской власти на Дальнем Востоке. Но суд поддержал обвинительное выступление прокурора, и Краснощёков получил 6 лет тюрьмы, а затем 3 года поражения в правах. В глазах общественности решение суда выглядело правомерным, такое же отражение оно получило и в исторической литературе.

Первая попытка объективно разобраться в деле Краснощёкова предпринималась уже в период перестройки в... романе А. Залуцкого «Миражи и явь» (Владивосток, 1988 г.). В основу романа положены воспоминания Т. Залуцкого — отца писателя, известного ветерана революционной борьбы на Дальнем Востоке, хорошо знавшего Краснощёкова. Т. Залуцкий — главный герой романа. Отцом и сыном проанализированы публикации об итогах следствия и судебного процесса, а также другие материалы, на основании которых они не согласились с решением суда.

В 1987 г. журнал «Литературный Киргизстан» (№ 11) опубликовал главу из рукописи этого романа — «Взлёт и падение Александра Краснощёкова», — кстати, более обширную, чем в вышедшем в свет романе. В главе цитируется подлинное выступление на суде адвоката Краснощёкова профессора Членова, который, в отличие от суда, высоко оценил деятельность Краснощёкова в должности председателя правления Промбанка, оценивая её как «блестящую победу на экономическом фронте» и призывая не забывать революционных заслуг подсудимого (с. 49).

Хотя указанное произведение не является научным трудом, но не заметить его как первую попытку объективно оценить итоги процесса, думается, неправомерно. Правда, в некоторых выводах писателя имеются и неточности. Скажем, он утверждает, что вскоре «приговор отменили и Краснощёкова оправдали» (с. 48). Документы свидетельствуют, что в начале 1925 г. Краснощёков был амнистирован ВЦИК с сохранением осуждения условно, а окончательно судимость снята в 1926 г.¹

Объективная оценка указанного судебного процесса для историков важна, чтобы правильно судить об этом политическом и государственном деятеле. Краснощёков был крупным экономистом, из-под его пера вышли две книги: «Финансирование и кредитование промышленности» (М., 1923 г.) и «Современный американский банк» (М., Л., 1926 г.), основные положения которых и сейчас не потеряли своей актуальности. Экономические взгляды Краснощёкова требуют специального исследования.

В этой статье предпринята попытка разобраться с делом Краснощёкова по архивным материалам следствия и суда.

Необходимо, очевидно, хотя бы вкратце остановиться на предыстории судебного процесса и личности этого человека².

Александр Михайлович Краснощёков родился в 1880 г. в Чернобыле Киевской губернии в семье портного. В 15 лет приехал в Киев поступать

А.М. Краснощёков в 1918 г.

А.М. Краснощёков в 1937 г.

в университет. Его репетитором оказался М.С. Урицкий, будущий председатель Петроградской ЧК. Это и определило дальнейшую судьбу юноши. Он стал профессиональным революционером, не раз сидел в тюрьмах. Из-за скитаний, жестоких побоев жандармов на всю жизнь получил болезнь лёгких, в связи с чем выехал за границу. Около 15 лет он прожил в Америке и там участвовал в революционном движении. Работал маляром и портным, а с 1914 г., по окончании юридического факультета Чикагского университета, адвокатом по профсоюзным делам. В университете изучал и экономические науки.

После Февральской революции он стал вначале председателем Никольск-Уссурийского совета рабочих и солдатских депутатов, затем председателем краевого совета (Дальсовнаркома). С падением советской власти осенью 1918 г. Краснощёков нелегально выехал в Западную Сибирь, пытался перейти линию фронта, но, будучи арестованным белыми, был отправлен «поездом смерти» в Иркутскую тюрьму, из которой освобождён восставшими рабочими. Вскоре Краснощёкова избрали председателем Иркутского губкома РКП (б). Таков был его авторитет не только на Дальнем Востоке, но и в Сибири.

По директиве ЦК и Сиббюро ЦК он являлся уполномоченным по организации на Дальнем Востоке и в Забайкалье буферной республики — ДВР, а затем стал председателем её правительства. Многие партийные деятели тогда в Сиббюро ЦК, Дальбюро ЦК не понимали необходимости «буфера», пытались его ликвидировать. Отстаивая необходимость ДВР, Краснощёков приобрёл много врагов (в Сиббюро ЦК — Фрумкин, Ярославский и др., в Дальбюро ЦК — Ширямов, Гончаров, Знаменский и др.). Во Владивостоке он по указанию Ленина пригрозил партийным судом партийным

руководителям Никифорову, Губельману и др. (не хотели признавать центром «буфера» Верхнеудинск), и они этого не забыли. Но Краснощёкова поддерживал Ленин, видевший в нём умного и энергичного руководителя и организатора.

В декабре 1920 г. у Александра Михайловича обострилась болезнь лёгких, в стрессовых ситуациях шла горлом кровь. Это, естественно, мешало работе. Тем не менее создание ДВР было завершено.

Друзей у Краснощёкова оказалось мало: он трудно сходилась с людьми. Наиболее близкими ему в правительстве и Дальбюро ЦК стали Ф.Н. Петров, П.Ф. Федорев и др. «Он был резок, насмешлив, прям, — вспоминает Т. Залуцкий, — и, что самое главное, — умнее и образованнее многих своих коллег. Чего греха таить, ему нередко завидовали и не прощали слабостей, которые простили бы другому»³. Его раздражало неумение и нежелание некоторых работать. Премьер-министром ДВР он выдвинул Ф.Н. Петрова, партийца с высшим образованием, но большинство в правительстве и Дальбюро ЦК высказались за П.М. Никифорова, имевшего за душой лишь сельскую церковноприходскую школу (конечно, было и самообразование, но без системы). Никифоров объединился против Краснощёкова с членом Дальбюро ЦК М.И. Губельманом, братом Е. Ярославского (в 1921 г. секретарь ЦК). Им удалось, несмотря на несогласие дальневосточной партийной контрольной комиссии⁴, в июле 1921 г. добиться отзыва Краснощёкова из Читы в Москву.

Причины отзыва оказались в основном субъективного характера. Объективные же результаты его деятельности на Дальнем Востоке оценивались Лениным высоко.

В сентябре 1921 г. постановлением политбюро ЦК РКП (б) Александр Михайлович назначается членом коллегии Наркомфина. Это соответствовало непосредственным его интересам как экономиста. Имея высшее экономическое образование, он ещё в США хорошо изучил систему капиталистической экономики, особенное внимание обратив на банковскую систему, опыт которой можно было использовать и для социалистического строительства.

В 1922 г. в общих чертах завершился переход к Новой экономической политике. Краснощёков, исходя из ленинской идеи введения нэпа «всерьёз и надолго», стоял «за большую свободу торговли»⁵ против бюрократического централизма.

И.о. наркома финансов Г.Я. Сокольникову и его первому заместителю Е.А. Преображенскому не понравился энергичный инициативный работник, который осмеливался критиковать недостатки в Наркомфине. Тем не менее политбюро ЦК РКП (б) 30 декабря 1922 г. утвердило Краснощёкова вторым заместителем наркома финансов.

В.И. Ленин опасался, что Краснощёкова в Наркомфине «могут затравить», считая, что коллегия наркомата допускает «вопиющую ошибку, не умея ценить необходимость всестороннего использования человека,

который, обладая солидным опытом работы в Америке и ДРВ, подходит к финансовым вопросам со стороны практической... Вся их оппозиция против Краснощёкова — сплошной и вредный предрассудок...»⁶.

«Двигайте Краснощёкова: он, кажись, практик», — писал Ленин Сокольникову 22 января 1922 г.⁷ Но стоило Ленину ослабить контроль за Наркомфином, а Краснощёкову заболеть, как Сокольников сразу же уволил своего заместителя с работы.

30 марта 1922 г. Ленин писал Молотову для членов политбюро: «Беседовал с Краснощёковым. Вижу, что мы, политбюро, сделали большую ошибку.

Человека, несомненно, умного, энергичного, знающего, опытного мы задёржали и довели до положения, когда люди способны всё бросить и бежать куда глаза глядят...

Показал себя умным председателем правительства в ДВР, где едва ли не он всё и организовывал. Мы его сняли оттуда. Здесь, при полном безвластии в НКФ, посадили в НКФ. Теперь, как раз, когда он лежал больной тифом, его уволили!!

Всё возможное и невозможное сделано нами, чтобы оттолкнуть очень энергичного, умного и ценного работника...

Он говорит: „Дайте мне показать себя на работе, чтобы я вёл её до конца, не дёргайте меня“. И, конечно, это желание законное.

Надо попытаться устроить его в ВСНХ...»⁸.

Спрашивается, почему же Ленин понимал Краснощёкова, а работавшие с ним ответственные товарищи не могли?

Невольно думается тут о причинах субъективного плана: о чьём-то заде-том самолюбии, о боязни критики, боязни из-за соперника потерять место.

Решением политбюро ЦК РКП (б) от 13 апреля 1922 г. Краснощёков был введён в состав президиума ВСНХ. На новом месте трений не было. Работа вошла в нормальную колею.

С именем Краснощёкова непосредственно связаны организация и деятельность Русско-американской индустриальной корпорации (РАИК), имевшей целью оказать России производственно-техническую помощь в области швейной промышленности. Для заключения договора в Москву приезжал из США председатель профсоюза швейников Сидней Хилман. Президиум ВСНХ переговоры с Хилманом поручил вести Краснощёкову. Александр Михайлович разработал проект договора с американцами, а ВСНХ утвердил его.

В Москве от имени РАИК с участием американских рабочих открылись две швейные фабрики. 19 февраля 1922 г. В.И. Ленин в телеграмме С. Хилману просил передать «сердечные приветствия» всем работникам РАИК и заверил, что «все меры приняты к обеспечению вкладов американских рабочих от убытков»⁹.

По инициативе Краснощёкова в Москве началась организация Промбанка для финансирования промышленности и торговли. Бывший

председатель правительства ДВР оказался в центре кипучей работы, связанной с подготовкой курса на индустриализацию страны.

Банк приступил к работе в начале ноября 1922 г. За год по стране было организовано 42 его отделения. «Основная сеть (отделений банка. — *Б.М.*), — говорится в отчётных материалах, — которая охватывает экономическую жизнь страны, в настоящее время построена... Работа банка для промышленности выразилась в том, что он выдал ей около 57 млн руб. и из них получил 12 млн руб. обратно. Через его пассивные счета прошло около 1350 млн руб. ... Эти цифры достаточно характеризуют ту роль, которую Промбанк сыграл за это время и по оказанию помощи промышленности и как аккумулятор средств, перемещающихся в каждый данный момент»¹⁰.

За это время Александр Михайлович подготовил к изданию книгу «Финансирование и кредитование промышленности», где обобщался опыт финансовой работы, высказывались предложения по её совершенствованию. Одновременно готовилась монография «Современный американский банк».

При Промбанке был образован специальный отдел РАИК, куда поступали собранные для советской промышленности в США доллары, а также денежные переводы родственникам американских эмигрантов, проживавших в РСФСР. Операции с РАИК способствовали накоплению инвалюты, финансированию предприятий швейной промышленности.

Краснощёков был назначен генеральным представителем РАИК в Москве. В США это известие рабочие-швейники восприняли с энтузиазмом. Американцы помнили, что Александр Михайлович во время пребывания в Штатах сам был членом профсоюза швейников. Обращает на себя внимание своей эмоциональностью доверенность, выданная ему от РАИК, за подписью С. Хилмана: «Да будет всем известно, что русско-американская индустриальная корпорация, должным образом организованная согласно законам штата Делавер и имеющая свои главные дела в Нью-Йорке США, настоящей назначает А.М. Краснощёкова, председателя Промбанка в Москве, своим доверенным...»¹¹.

Формируя коллектив Промбанка, Краснощёков на многие ответственные посты назначил своих бывших товарищей по революционной работе. Секретарём правления стал бывший участник революционного социал-демократического движения в Китае и Екатеринославе Л.С. Виленский, зам. зав. отделом РАИК — Я.М. Дворкин, бывший секретарь МИД ДВР. В Промбанке работали бывший член Иркутского губкома партии И.Н. Бурсак, с которым Александр Михайлович сидел в иркутской колчаковской тюрьме, бывшие управляющий делами правительства ДВР П.Ф. Федорев и главком НРА ДВР Г.Х. Эйхе, министр просвещения ДВР К.С. Шрейбер и др.

В целом, считал Краснощёков, коллектив Промбанка, составлявший более 400 чел., в состоянии выполнить возложенные на него задачи, но первый год работы был ещё и организационный, с неизбежными издержками.

В начале сентября 1923 г. Краснощёков почувствовал, что тучи над ним сгущаются, в частности, в президиуме ВСНХ, из состава которого его вывели 13 сентября.

В ночь на 19 сентября Краснощёкова арестовали чекисты. Ордер на арест подписал и.о. зам. председателя ГПУ Ягода. Было заявлено, что это делается по распоряжению ЦКК РКП (б). Председателем ЦКК являлся В.В. Куйбышев. Распоряжение ЦКК об аресте Краснощёкова и других лиц, с ним связанных, в связи со «злоупотреблениями» в Промбанке приняли 15 сентября. Торгово-промышленной инспекции предлагалось совместно с ГПУ приступить к организации следствия.

17 сентября пом. начальника информационно-агентурного отдела экономического управления ГПУ постановил: «Дальнейшую агентурную работу (в Промбанке) прекратить и приступить к ведению предварительного дознания». Это означало, что в Промбанк давно уже внедрилась агентура, которая выявила достаточно компромата.

18 сентября политбюро ЦК РКП (б) утвердило распоряжение ЦКК от 15 сентября 1923 г., и в этот же день в ГПУ был подписан ордер на арест.

Свершилось то, на что обращал внимание В.И. Ленин ещё 30 марта 1922 г.: «Всё возможное и невозможное сделано нами, чтобы оттолкнуть очень энергичного, умного и ценного работника, „затравить“ его».

Предварительное следствие по линии ГПУ проводилось до февраля 1924 г., а с 4 марта 1924 г. делом занялась судебная коллегия Верховного суда РСФСР.

Недостатки в Промбанке, конечно, были, также, как и злоупотребления, но не они составляли главное.

Против Краснощёкова сложилась, как это отмечал Ленин в 1922 г., «оппозиция», представлявшая собой «сплошной и вредный предрассудок». Это — Г.Я. Сокольников, Е.А. Преображенский и др. Краснощёков, работая и в президиуме ВСНХ, позволял себе во многом не соглашаться с Сокольниковым, критиковать его в печати.

Но тут (с апреля 1923 г.) во главе ЦКК стал В.В. Куйбышев, с которым Сокольников работал в Туркестане, а секретарём ЦКК стал Е. Ярославский — брат М.И. Губельмана, давнего врага Краснощёкова. Решение ЦКК об аресте Краснощёкова принято под председательством Ярославского. Он же докладывал о решении ЦКК на заседании политбюро ЦК¹². Таким образом, и в Москве недруги Краснощёкова не дали ему работать. А Ленин в это время был уже беспомощен и ничем не мог помочь ему.

Но объективно дело Краснощёкова — отражение перемен в политике руководства партии во главе со Сталиным. Уже в это время в центре стала складываться административно-командная система. Началась беспринципная борьба за власть, в ходе которой из противной стороны создавался образ «врага»¹³.

Краснощёков в этой борьбе стал на сторону тех, кто верил в необходимость нэпа «всерьёз и надолго», и это одна из причин развернувшейся

против него кампании. Внешне всё выглядело как борьба с «нэпоризмом», злоупотреблениями по службе, с моральным разложением руководящих работников — коммунистов.

По делу Краснощёкова готовился показательный процесс, который должен был прозвучать не только на всю страну, но и на весь мир, якобы показать, что коммунисты не потерпят в своей среде мошенников, вырожденцев, какие бы революционные заслуги у них ни были.

17 сентября 1923 г. ГПУ постановило приступить к ведению предварительного дознания. Было допрошено более ста человек, так или иначе имевших отношение к Краснощёкову. Обвинительное заключение составлено 4 февраля 1924 г., оно легло в основу и судебного следствия.

Главной презумпцией виновности А.М. Краснощёкова следствие считало использование им Промбанка для обогащения своего брата.

Яков Михайлович Краснощёков высшее образование также получил в США, стал инженером-строителем. В ноябре 1922 г. организовал свою артель «Американо-русский конструктор» (АРК). Возникла мысль преобразовать её в акционерное общество.

А.М. Краснощёкову импонировал строительный энтузиазм брата, и, поскольку в его действиях не было нарушения законодательства нэповского периода, он поддерживал эти начинания.

Через поэта Сергея Третьякова, бывшего товарища министра народного просвещения ДВР, А.М. Краснощёков познакомился с Маяковским, с супругами Брик. С ним у Бриков бывал и Яков. Как вспоминал тогда Осип Максимович Брик, «Яков Михайлович рассказал, что разворачивает большое строительное дело, и предложил принять участие, так как я интересуюсь архитектурой и декоративным искусством, в качестве председателя института художественной культуры при Академии художественных наук. Яков Михайлович развернул увлекательную картину. Предполагалось строить дома по совершенно новому типу, как в Америке, заново отделять и закончить стройкой недостроенные дома и т.д.»¹⁴.

О.М. Брик, по специальности юрист, помог Якову Краснощёкову составить устав АРКа на основе сборника и распоряжений ВСНХ. Устав был утверждён. Это было строительное акционерное общество. Промбанк кредитовал общество, но для широкой строительной программы средств не хватало, и Яков Михайлович привлёк в дело английского предпринимателя Крипса (совместное предприятие), у которого в обществе было 65% акций. Фактически АРК стал строительной организацией созданного Крипсом общества «Московский индустриальный строитель» (МИС). Это сотрудничество оказалось взаимовыгодным.

В Промбанк в обеспечение кредитов стала поступать от МИС инвалюты. АРК, фактически в лице Я.М. Краснощёкова, развернул в Москве большие строительные и ремонтные работы.

На следствии и суде А.М. Краснощёкову предъявили обвинение в выдаче при его помощи банковского кредита АРКу и МИСу на условиях, более благоприятных, чем другим клиентам. Александр Михайлович отвечал, что никогда специально не содействовал брату в получении кредитов и «никогда в жизни не было желания обогащать ни себя самого, ни свою семью». И действительно, при обыске у него на даче нашли только 1410 руб. совзнаками и 6 червонцев. Имевшиеся у него чековые книжки РАИК (одно из обвинений) С. Хилман выдал для расходов по делам РАИК.

Во время предварительного и судебного следствия презумпция невиновности была нарушена, во всём чувствовалась какая-то заданность.

Товарищ прокурора республики Н.В. Крыленко обвинял А.М. Краснощёкова в связях с иностранным капиталом, в содействии экономической интервенции, но Александр Михайлович твёрдо заявил, что «не считает ошибкой оказание кредита иностранному капиталисту». За кредиты Промбанк получал «нужную стране инвалюту»¹⁵.

К обвинению в экономической интервенции Крыленко не раз ещё необоснованно прибегал на судебных процессах, в частности, в составленном им обвинительном заключении по липовому делу ЦК — «Промпартии». Оно было опубликовано отдельной брошюрой под названием «Удар по интервентам» (М., 1930).

На предварительном и судебном следствии специально обсуждался вопрос по делу РАИК. А.М. Краснощёкова обвинили в том, что переводные операции из США не были организованы должным образом, в результате Промбанк потерпел убытки: задолженность РАИКа банку достигла более 244 тыс. долл. Зам. заведующего отделом РАИК Промбанка Я.М. Дворкин на следствии 22 октября 1923 г. сообщил, что в настоящее время долг РАИК покрыт¹⁶. Тем не менее это заявление не приняли во внимание.

Особо же следствие изучало использование А.М. Краснощёковым средств РАИК в личных целях. Но РАИК выделял ему специальные суммы на представительство и другие расходы в интересах корпорации. Указывалось на то, что часть денег РАИК кредитовал на строительные работы брата. Краснощёков отвечал, что у брата было заключено с РАИК особое соглашение на строительство гостиницы¹⁷.

Председателя правления Промбанка обвинили в том, что он дал согласие РАИК на выделение его жене, проживавшей в США, ежемесячно по 200 долларов. Он отвечал, что действительно РАИК помог жене, но в устройстве на работу, где она получает положенную зарплату¹⁸.

Обвинения были и в том, что А.М. Краснощёков в Промбанке игнорирует коммунистическую ячейку и местком. Сотрудница банка Кржижановская заявила даже, что комячейка находится в подполье.

И это говорилось бывшему уполномоченному ЦК партии на Дальнем Востоке. Занятый большой организационной работой, подготовкой к изданию крайне необходимых научных работ по банковскому делу, он,

естественно, не мог активно отвлекаться на общественные дела (в Промбанк были внедрены агенты ГПУ, проводившие работу по сбору компромата против Краснощёковых. Один из них был членом партбюро).

Суд необоснованно вмешался также в частную жизнь Александра Михайловича.

Особое внимание обращалось на якобы незаконное использование Краснощёковым в своих целях денег и имущества банка. Выяснилось, что были в связи с этим и липовые счета, и другие махинации, к которым Краснощёков лично отношения не имел. Обвиняли, что он за счёт банка собирался завести себе особняк, что имеет дачу. Краснощёков с мая 1922 г. вообще не имел в Москве квартиры, а Промбанк должен был обеспечить своих сотрудников, по крайней мере ответственных работников, жильём, как это делалось в ВСНХ, Наркомфине и других наркоматах. Крыленко обвинять в этом Краснощёкова было тем более неприлично, что он имел в Москве большой особняк, приобретённый не на личный счёт.

К концу суда защитник Членов ходатайствовал о приобщении к делу официального отчёта о деятельности Промбанка. Крыленко выступил против, мотивируя это тем, что за оставшееся до закрытия судебного следствия время обвинение не сможет с ним ознакомиться¹⁹. В действительности же он не был заинтересован в этом документе, так как работа банка при Краснощёкове в целом оценивалась положительно. Суд приобщил отчёт к делу, но материалы его в выступлении Крыленко и приговоре суда не нашли отражения, как и все поправки к обвинительному заключению следствия.

На предпоследнем заседании суда Александр и Яков Краснощёковы виновными себя не признали.

Можно представить себе, как нервничал Александр Михайлович, юрист и экономист высшего класса, видя неуклюжие попытки непременно обвинить его в мошенничестве, в сознательных злоупотреблениях по службе.

В приговоре суда были оговорки, что Краснощёков присваивал себе денежные и материальные средства банка «в незначительном размере, что ущерб, нанесённый им банку, незначителен и достигнуты даже некоторые успехи»²⁰. Но все обвинения были сохранены. Утверждалось, что в условиях новой экономической политики Краснощёков «не выдержал искусства разложения», помогал нэпманам, погряз в кутежах, увлёкся кредитованием частных в ущерб государственной промышленности, позволял присваивать себе денежные и материальные ценности банка, помогал обогащаться за счёт банка брату.

Недоброжелатели Краснощёкова сделали своё дело, отстранив от активной государственной деятельности ценного работника.

Краснощёкову нужна была помощь со стороны В.В. Куйбышева как наркома РКИ. Безусловно, Александр Михайлович положительно бы

воспринял все объективные критические замечания. Вместо этого Куйбышев пошёл по пути собирания компромата через агентуру ГПУ. «Задача Рабоче-крестьянской инспекции, — говорил В.И. Ленин, — не только и даже не столько „ловить“, „изобличать“... сколько уметь поправить. Умелое исправление вовремя — вот главная задача Рабкрин»²¹.

Большой общественный резонанс процесса по делу Краснощёкова способствовал тому, что даже Московский театр революции заказал молодому начинающему драматургу Борису Ромашову пьесу, посвящённую этому процессу. «Политруком» театра была некто Каменева, по-видимому, имевшая отношение к Л.Б. Каменеву, члену политбюро ЦК, выступавшему в мае 1924 г. на XIII съезде партии с обвинениями Краснощёкова²². Таким образом, вдогонку Краснощёкову был брошен ещё один камень.

Автор пьесы («Воздушный пирог») — из актёрской семьи, плохо знал среду, о которой взялся писать. Прототип главного героя пьесы Коромылова Краснощёков рисовался в его воображении как разложившийся коммунист-тряпка, в прошлом имевший какие-то заслуги, который, став директором банка, окружил себя подозрительными дельцами и не чувствовал, что у него под носом нэпманы обделывают свои делишки совместно с его братом. Поскольку настоящая работа Промбанка не давала для этого таких ярких фактов, автор пьесы стал их придумывать и создал такой тип бюрократа, волокитчика, такие яркие образы окружавших его спекулянтов, мошенников, что зритель теперь мог быть убеждён, что советское правосудие сделало большое дело, обезвредив разгильдяя-директора и его окружение.

Первые рецензии на спектакль были отрицательные.

Из критических отзывов интересны замечания А.В. Луначарского. Замысел пьесы, пишет он, — «исследование душевного разложения коммуниста, попавшего под влияние стихии нэпа и связанную с этим необходимость изобразить в некоторой степени „преступление и наказание“». Луначарский считал его невыполненным²³.

«Комедия» в театре продолжала идти. Характерно, что премьера спектакля началась почти одновременно с принятием ВЦИК постановления (в январе 1925 г.) об амнистировании Краснощёкова. Можно представить себе, как чувствовал себя при этом Александр Михайлович.

Освобождён он был фактически в ноябре 1924 г. в связи с развившейся болезнью лёгких.

В.К. Таратута, председатель правления банка внешней торговли СССР, работавший в своё время с Краснощёковым в социал-демократической организации Екатеринослава, в это время писал: «С освобождением Краснощёкова... общественное значение этого процесса потеряно»²⁴.

Александр Михайлович, находясь в заключении в Лефортовском изоляторе, завершил свой большой труд «Современный американский банк» в 17 авторских листов. Практическое значение книги он видел

в необходимости для России использовать опыт передовой страны капиталистического мира в развитии банковского дела.

В дальнейшем ему была предоставлена возможность работать в Наркомземе, руководить развитием лубяных культур.

16 сентября 1937 г. Александра Михайловича арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности, а 26 сентября он был расстрелян.

Так завершился круг жизни и деятельности А.М. Краснощёкова. В условиях советской действительности, под руководством коммунистической партии, которой он посвятил свою жизнь, другого пути не оказалось. Главное, почему он не пришёлся ко двору в правящих кругах, — это созвучная с нынешним временем вера в необходимость развития рыночных отношений, разнообразия форм собственности, протест против административно-командных методов руководства в экономике, ратование за развитие инициативы регионов, передачу предприятий трудовым коллективам. Его научное наследие необходимо изучать.

Судебный процесс над Краснощёковым был первым ударом по нэпу.

¹ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1-а. Д. 599. Л. 140, 192.

² Подробнее о дореволюционном и дальневосточном периоде жизни и деятельности А.М. Краснощёкова см.: Мухачёв Б.И. Судьба президента // За советский Дальний Восток. Владивосток, 1989; Его же. Председатель Правительства ДВР А.М. Краснощёков как политический и государственный деятель // Из истории Дальневосточной республики. Владивосток, 1992.

³ Залуцкий Т. Уссурийские комиссары // Далеко у Тихого... Владивосток, 1972. С. 100.

⁴ РЦХИДНВ. Ф. 372. Оп. 2. Д. 104. Л. 4.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 219.

⁶ Там же. С. 106.

⁷ Там же. С. 133.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Там же. С. 158.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 108. Л. 38.

¹¹ Там же. Ф. 1005. Оп. 1-а. Д. 598. Л. 343. Стенограмма совещания Промбанка с представителями трестов от 28 декабря 1923 г.

¹² РЦХИДНВ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 381. Л. 2, 6.

¹³ Старцев В.И. Предисловие // Троцкий Л.Д. Уроки Октября. Л., 1991. С. 35, 60.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1-а. Д. 595. Л. 681.

¹⁵ Там же. Л. 65а.

¹⁶ Там же. Л. 59.

¹⁷ Там же. Л. 74.

¹⁸ Там же. Вопрос о выделении жене Краснощёкова ежемесячно 200 долларов в беседе с представителем РАИК ставился, но закончилось это содействием корпорации в устройстве её на работу.

¹⁹ Там же. Л. 76.

²⁰ Там же. Л. 89.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 127.

²² Тринадцатый съезд ВКП (б-ков): Стенограмма. М., 1924. С. 255.

²³ Цит. по: Млечин В. Предисловие // Ромашов Б. Пьесы. М., 1935. С. 7.